

Переяславль — город древний

Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!
А. Пушкин.

I

Есть городки, встарь прославленные и громкие, ныне смиренно доживающие свой век в глуши и безвестности, ворчливые городки, брюзгливые, похожие на разозлённую знаменитость, пережившую свой фавор. Для многих ретивых переяславских старожилов Переяславль — столица района в Александровском округе — по-прежнему «великий город», когда-то состязавшийся с Москвой в борьбе за владычество всей Русью.

И Русью, не Россией, а «Русью пахнет» до сих пор в этом «великом городе», который можно переплюнуть с высокого забора.

«Русью пахнет» на станции — Берендеево, том самом Берендееве, про которое сложена сказка о царе Берендее. И как в сказке читаешь надпись: Берендеевский ВИК. И немножко сказочно, что на сказочном берендеевском болоте — ныне торфоразработки, две с половиной тысячи торфяников. От берендеевских времён уцелел только возок — наглухо закупоренная коробка, в которой можно задохнуться, да дорога, ухабы которой доводят чувствительных пассажиров до морской блевотины, а иногда и просто, как это случилось с нами, вываливают в грязь.

Немножко странно, что «великий город» Переяславль стоит в стороне от железной дороги, в 21 километре от рельс. А было время, когда рельсы метили проложить через самый Переславль. Но местный заводчик перепугался:

— Как бы не подорожали рабочие руки!

И за трёхтысячную взятку был продан «великий город». В церабкоопе жалуются, что перевезти в Переяславль пуд муки со станции Берендеево стоит не дешевле, чем привезти её из Сибири. То же самое говорят и на текстильной фабрике про пуд хлопка.

А на вопрос, когда проведут к ним рельсы, скребут затылки и отвечают:

— Да знаете!.. В третьей пятилетке что-то намечено!

II. Террор Главнауки

Два-три часа по ухабам — и вот в отдалении взволнованные путешественники примечают древний город, основанный в XII веке, город Переяславль. Стой, ямщик, не в монастырь ли ты едешь? Впереди зелёное зарево садов, а над этим заревом другое зарево, золотое зарево церковных глав.

В Переяславле на 14 тысяч жителей — 35 соборов и 4 монастыря.

С умилением вспоминают переславские старушки прежние времена, когда пасхальный трезвон бухал, как пушечная пальба, далеко разнося славу Переяславля.

Теперь половина церквей пустует, «законсервирована» — если выразиться научно. Партком и профсоюзы усиленно помогают использовать пустующие церкви на что-либо подходящее. И верующие не против — хватит в Переяславле церквей на их недолгий век!.. но...

Но церкви по-прежнему пустуют: «ни богу свечки, ни черту кочерга». Все переяславские храмы числятся в ведении Главнауки, как «исключительно ценные памятники древнерусского

зодчества». Все храмы пронумерованы, подшиты к делу, разбиты по категориям: первая, вторая, третья и высшая.

Переяславцы говорят:

— О закрытии первой категории ещё можно говорить, о второй можно говорить уже с осторожностью, о третьей можно говорить сугубо дипломатично, а уж о высшей категории — не заикайся. При одном упоминании на дыбы встаёт Главнаука, рычит, как медведица, защищающая своего медвежонка.

Всё-таки переяславцы на свой страх и риск один храм поломали на кирпич, в другом храме устроили библиотеку, а в третьем церабкоопскую пекарню. Но Главнаука и тут не оставляет переславцев в покое. В храме-пекарне для удобства работы разобрали колонны. Главнаука приказала: восстановить колонны. Колонны восстановили, Главнаука приехала, поглядела и приказала: — переделать колонны. Зачем сделали четырёхугольные, когда нужно сделать круглые! В том же храме-пекарне покрасили крышу обычно красной краской. Главнаука приехала, приказала перекрасить тёмной: только тёмной единственной краской надлежит красить сей храм, чтобы он выглядел исторически правдоподобно!

И вообще не исполком, а Главнаука является хозяином этого диковинного города, где шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь древность. Копает горожанин огород, ан глядь, в земле черепки какого-то доисторического пещерного человека: конечно, учёная седобородая Главнаука тут как тут. Стоит в Переяславле какой-то кирпичный сарай, стоит, разваливается. Надумали переяславцы-кооператоры устроить склад, пошли, ан и тут стоит на дороге вездесущая Главнаука, размахивая дубиной какого-то циркуляра:

— Что делаете, варвары! В этом сарае была фабрика, первая на Руси!

Говорят, что переяславские ответственные работники со своими детьми беседуют так:

— Пореви ещё, пореви ещё! Вот придёт Главнаука да возьмёт тебя на учёт!

III. Минувшее

В Переяславле «минувшее объемлет живо» каждого приезжего человека. — «Давно ль оно неслось событий полно?..» Очень давно. Вот вал в пёрышках травки. Когда-то в кольце этого прекрасно сохранившегося вала умещался весь городок. На этом валу стояли высокие бревенчатые стены переяславской крепости, шесть раз разоряемой татарами. Вот под его крутую насыпь, как белый грибок, высится белокаменный храм (камни привезены из болгарского царства) Спасо-Преображенский собор, воздвигнутый в 1152 году. Теперь храм причислен к лику музеев и старая монашенка неохотно отпирает его запоры, почуяв в нас «советских людей».

— Скорее осматривайте, мне на всюнощную пора!

Входим. Под мраморными плитами в самом храме почивают два князя. Читаем золочёную древнерусскую вязь: преставился князь Иоанн Дмитриевич, смиренный, тихий. Мая в 15 день 1302 года. Как хорошо звучат слова «смиренный, тихий» — этот паспорт к богу, документ на право входа в рай. Мраморные решётки изумительной резьбы — работа крепостного смерда. В алтаре обитые красным бархатом лавицы, на которых отдыхали епископы и архимандриты. Монашинка с умилением перечисляет их имена. Неужели монашинка такой незаменимый спец, что её нельзя заменить?

Выходим. На главной улице школа второй ступени, с громогласной вывеской «переяславская гимназия». Что же, может быть и впрямь гимназия.

Ответственный работник-переславец рассказывает, что его детишки, приходя из школы, глумятся над пятилетней похабными анекдотами. Прежде в Переяславле было духовое училище, и почти все духовные учителя пролезли теперь в советские школы.

Река Трубеж пополам перерезает Переяславль. Река стоячая, сонная, как переяславская жизнь, цветёт какую-то плесенью, пузырится, как «Ессентуки». У моста лодочная станция: 30 копеек — в час. За лето набирается тысячи три рублей. Лодки — доходная статья Переяславля, лодочные деньги затыкают все бюджетные дыры.

Садимся, едем. И вот в устье реки, под развесистой ивою, нагнувшейся над рекой как шлагбаум, брезжит, искрится, сверкает, пылает голубизной краса и гордость Переяславля — Переяславское озеро!

IV. Налётная мошкара

Переяславское озеро — колыбель русского флота, и так как отчасти петровским флотом была создана и вся новая Россия, то и колыбель в некоторой степени — всего государства. Здесь Пётр строил свои потешные флотилии, здесь репетировались будущие победы. Пребывание Петра запечатлено в переяславском музее бережно, любовно, верноподданнически любовно.

С Переяславским озером связана весна русского государства, золотая глава русской монархической истории. И неспроста именно сюда, к Переяславскому озеру, к городу колокольного звона каждое лето слетается из Москвы ядовитая мошкара бывших людей: купцы, чиновники. Здесь в гостях у Петра вздыхают они о былом величии государства, здесь хорошо им, уютно, в Переяславле очень малое напоминает о советском, даже на второй ступени такая дорогая милая надпись: гимназия.

— Вы думаете, это всё вечно? Все ваши затеи, вся эта пятилетка — всё это временное! Это чёрт всё играет! — в первый же день на главной переяславской улице сказала мне одна из таких московских паломниц.

Видимо, в Переяславле она чувствует себя в полнейшей безопасности.

Озеро арендовано. Половина переславцев — рыбаки. Здесь ловится лакомая переяславская «сельдь» — ряпушка. Ловят ежегодно 100 тонн, при культурной ловле могли бы ловить вдвое. Уже несколько лет пускается в озеро по миллиону икринок чудского сига. И в переяславском музее уже показывают маленьких чудских серебристых сижков, выросших в озере. Чудский сижок через несколько лет значительно обогатит переяславского рыбака.

Озеро для переяславца — то же, что сад для другого города. Здесь отдыхают, поют, смеются. По вечерам озеро забито лодками — белые платья девушек, майки парней, — как стрекозы порхают гички; по водному спорту переяславцы идут впереди Ленинграда.

V. Лежачий камень

Переяславль — город фабричный. В Переяславле как острова вздымаются из зелёной пены садов «Красное эхо», «Красный вышивальщик», стучат молотки и пилы на воздвигаемой концессионной фабрике «СИМПа».

Но не фабрики и не 3 000 рабочих определяют лицо города. И фабрики и рабочие растворяются как соль в воде в табунах золочёных глав, в орде домишек, в которых цветёт убогая, скудная, переполненная сокрушениями о прежнем «великом» городе Переславле — жизнь мещанина. Хозяин города — мещанин и остатки духовенства. И кино, и клубы — всё потрафляется на их потребу.

Переяславские фабрики славятся своими рекордными прогулами, невыполнением промфинплана (на «Красном вышивальщике» выполнено 54 процента).

Под лежачий камень и вода не течёт. Камнем залёг Переяславль вдали от железной дороги и скудно, скудно течёт сюда животворная ключевая вода социализма.

Кириш Данилов